

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ МОРДВЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

*Работа представлена отделом археологии и этнографии
Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Л. И. Никонова

Обряды являются неотъемлемой частью традиционной культуры, и их сохранение и изучение – важнейшая задача современного общества. В статье рассматриваются свадебные обряды мордвы конца XIX – начала XX в. Свадебные обряды мордвы отличаются сложностью и разнообразием, составляют определенный свадебный цикл, состоящий из множества этапов. Актуальность изучения объясняется самобытностью данного этноса и его развитием в социокультурном мире.

A rite is an integral part of traditional culture. Its preservation and learning is the most important task of a modern society. This article deals with wedding ceremonies of Mordovians in the 19th and early 20th century. They are various and complicated and comprise a definite wedding cycle of many stages. The originality of the people and their development in the social and cultural world explains the actuality of researching this issue.

Свадебные обряды мордвы отличались большой сложностью и разнообразием, определялись особенностями расселения, многообразием контактов отдельных ее групп с соседями. Традиционные обряды, приуроченные к разным историческим этапам, должны были способствовать благополучному ходу развития этноса и знаменовали переход жениха и невесты в новую социальную категорию – категорию семьи.

Свадебный цикл мордвы начинался со сватовства («ладяма» – мокша, «ладямо» – эрзя). Сватовство у мордвы проходило в несколько этапов. Прежде чем в дом невесты отправлять сватов для предварительных переговоров, туда шел один из родственни-

ков жениха («икельц яки» – мокша – «вперед идущий»). Придя в дом невесты, он садился под так называемую матицу, где, как считалось, пребывала хранительница дома¹. Под матицу гости садились еще и потому, что она якобы «опутывала», связывала, и тогда сватов уже не прогонят. В тех деревнях, где свадебный обряд мордвы сохранял больше традиционных черт, сватать ходили только мужчины. А женщина-сваха будет введена в мордовскую свадьбу позже под влиянием русского населения. Порядок, при котором сватать ходили мужчины, может быть отголоском так называемого брака умыканием. Исследователи мордвы отмечали, что в некоторых

местах умыкание невест существовало приблизительно до середины XIX в.² Тот факт, что в сватовстве у мордвы принимали участие по преимуществу мужчины, также свидетельствует о главенствующей роли мужчины в семье. Окончательная договоренность о предстоящей свадьбе достигалась во время большого сватовства, которое называлось «симома» – мокша, «симема» – эрзя (букв. «питье») – «запой», «пропой». Во время него договаривались о «кладке» за невесту («питне» – эрзя), о подарках, которые она должна была сделать родственникам жениха, и о приданом.

У мордвы, как у мокши, так и у эрзи, существовал обычай после сватовства знакомиться с хозяйством жениха. Этот обряд назывался «дом глядеть» или «смотреть место» («васта варджама» – мокша, «тарка вачамо» – эрзя). Этот обычай был широко распространен и у русского населения, живущего в Мордовии. У мордвы этот обряд не имел значения серьезного ознакомления с хозяйством жениха. Иногда родственники невесты приходили в дом жениха и на следующий день. Это посещение называлось «печурки смотреть». Оно имело шуточный, веселый характер: родственники невесты вооружались чем попало и грозили хозяину сломать печь, если он не откупится от них угощением³. Этот обряд был известен у мордвы с. Атяшево Атяшевского района.

Значительным событием предсвадебного периода у мордвы было обрядовое мытье невесты в бане накануне свадьбы или за несколько дней до нее («стирь баня» – мокша, «тейтерень баня» – эрзя, т. е. «девичья баня»). Баню для невесты топили подруги или невестки – «урывала ават» – мокша. Посещение девичьей бани у мордвы сопровождалось причитаниями и было обставлено особыми церемониями. Смысл девичьей бани у мордвы состоял в очищении водой, так как известно, что у мордвы существовала вера в очистительную силу воды. Возможно, посещение бани невестой накануне свадьбы было ее прощанием с

покровительницей бани («баня-ава» – мокша, эрзя). Возвращаясь из бани, невеста благодарилась за то, что она вымыла ее.

Для мордовской свадьбы характерно прощание невесты с девичеством, когда она с причитаниями дарилась каждой из подружек алую ленту. Большое значение придавалось у мордвы выпечке свадебных пирогов в доме жениха. Особо торжественно, с многочисленными обрядами ставили для них тесто. В данном обряде активно участвовали родственницы жениха⁴.

В период между сватовством и свадьбой из дома жениха несколько раз приходили к невесте его родственники с гостинцами, чтобы назначить день ее проведения. Также существовал обычай ходить от невесты в дом жениха снимать мерку со стола и окна для того, чтобы сшить по этим размерам скатерть и занавески. Это сравнительно поздний обычай, называемый у мордвы «моркш мерама» – мокша («стол мерить») и «навеска мерама» – мокша («занавески мерить»), был распространен в с. Зарубкино Zubovo-Полянского района⁵. Родственницы невесты ходили к жениху также за рубахой, по размеру которой невеста шила ему в подарок рубаху к свадьбе. Подруги невесты и ее родственницы относили эту рубаху жениху, а в подарок стряпухам – полотенца⁶. У мордвы было принято, чтобы невеста делала подарки не только жениху, но и его родственникам. Будущей свекрови она дарилась «рукава» (рубаху со станом), свекру – рубаху и штаны, а другим родственникам – более мелкие подарки. Готовить эти подарки невесте помогали подруги. Вечером накануне свадьбы мать невесты угощала ее подружек ужином, а сама невеста благодарилась за помощь в приготовлении к свадьбе.

Венчание жениха и невесты сочеталось с обрядами, направленными на предохранение от злых сил. В конце XIX – начале XX в. венчание обычно совершалось в тот день, когда невесту забирали в дом жениха. Он назывался у мордвы-эрзи «одирвань саема чи» («день, когда берут молодую»),

у мордвы-мокши – «севма ши» (букв. «день забирая») или «ирвене севма» (букв. «забирание молодой»). За невестой приезжал «свадебный поезд», который состоял из родственников жениха. Большую роль при этом играли крестные жениха. Свахой обычно была крестная мать жениха – главное лицо в свадебном поезде. Вторым по значению лицом свадебного поезда был человек – посаженный отец «уредев» – мокша, эрзя, который охранял жениха от порчи. К нему молодая относилась с особым почтением в течение всей жизни. В некоторых местах уредева на свадьбе не было, и его роль выполнял «покш куда» – эрзя – «старший поезжанин», который был следующим после уредева свадебным персонажем. Нужно отметить, что в разных районах состав, название и назначение свадебных чинов варьировало. У мордвы-мокши Краснослободского, Темниковского и некоторых других районов главным свадебным персонажем был «торынь ганды» – мокша («тор» – «сабля», «ганды» – «идущий»). Им был обычно зять жениха, муж его сестры. Его функции соответствовали функциям уредева у мордвы-эрзи. Здесь в поезде жениха были «рвянянь морайхть» – мокша (букв. «поющие в честь невесты») – девушки, в обязанность которых входило в песнях охаивать невесту. Следует отметить, что уредев играл роль охранителя жениха, невесты и всего свадебного поезда. Для этого он трижды с иконой в руках обходил вокруг свадебного поезда перед его отъездом в дом невесты. Торынь ганды у мордвы-мокши делал это ножом или саблей. Большую роль в свадебной церемонии у мордвы-мокши играла крестная мать жениха – «крестный дедей»⁷. Поезжане, не наделенные особыми функциями, назывались «кудат» – мокша, эрзя. В некоторых местах все кудат, за исключением свахи – «кудавы», были мужчинами. В тех местах расселения мордвы, где в свадьбе сохранилось больше традиционных черт, жених не ездил за невестой со свадебным поездом. Молодые встречались у церкви⁸.

Когда свадебный поезд подъезжал к дому невесты, ее родственники запирали ворота и требовали выкуп, высмеивая или величая приехавших. Сваха у ворот тоже пела, прося быстрее впустить поезжан в дом. Войдя в дом, поезжане должны были дать еще ряд выкупов, в частности выкупить место около невесты. После благословения невесты родителями ее близкие родственники – «урьвали» – мокша – брали ее на руки и выносили во двор. Невеста пыталась сопротивляться, хваталась за дверной косяк и с причитаниями покидала родительский дом.

В конце XIX в. из дома невесты свадебный поезд отправлялся в церковь, а оттуда в дом жениха. Лишь в некоторых местах у мордвы свадебный поезд ехал вначале в дом жениха, а уже оттуда в церковь. Например, в Стандрово Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Теньгушевский район) невесту привозили в дом жениха вечером. Венчание происходило на следующий день⁹. Такой порядок, вероятно, пережиток того времени, когда венчание не входило в свадебную обрядность мордвы.

После венчания молодую пару встречали в доме родителей жениха. Здесь родители молодого встречали их хлебом-солью, осыпали хмелем. Этот древний обряд имел магический смысл обеспечения деторождения. У мордвы молодых встречала обычно и «овта» («медведь» – мокша) – женщина, одетая в шубу, вывернутую наизнанку. В руках она держала сковороду с хмелем и потухшими углями, которую подставляли под ноги молодой. Она трижды должна была отшвырнуть ее. В конце XIX в. этому обряду придавали значение определения характера молодой. Раньше он имел, вероятно, другой смысл, значение которого было утрачено. У мордвы были широко распространены и другие магические приемы, связанные с обеспечением плодovitости молодой, в частности сажание на колени молодой ребенка. Этот обычай был известен у русских, татар, живущих в Мордовии.

Большое значение у мордвы придавалось надеванию молодой женского головного убора. Этот обряд совершался через

5–6 недель после брака и сопровождался жертвоприношениями покровителям дома, двора и предкам¹⁰. В конце XIX в. в одних местах женский головной убор молодой надевали после венчания в церковной сторожке, в других – после брачной ночи¹¹. По другим данным, это делали через год после свадьбы или после рождения ребенка¹². У мордвы-мокши отмечено надевание этого головного убора в конюшне после приезда от венца в дом жениха или на второй день после венчания¹³. Разница во времени надевания могла быть вызвана включением после христианизации мордвы в ее свадебные обряды церковного венчания. Возможно, в этом нашло отражение как былое деление женщин на половозрастные группы, так и изживание этой системы.

Наряду с этими обрядами, у мордвы широко был распространен обряд представления молодой печке в доме родителей мужа. И. Н. Смирнов связывал его с существовавшей у мордвы верой в то, что в доме есть покровительница печи. Молодую подводили к ней для того, чтобы она вошла с ней в добрые отношения¹⁴.

Интересным и своеобразным являлся мордовский обряд наречения «невесткой» – «лемдима» («лем» – «имя» – мокша). Корни его уходят, вероятно, в далекое прошлое. На второй день свадьбы свекровь, уредев или какой-то другой родственник молодого нарекал молодую особым названием «невестки» в зависимости от того, женой какого по счету сына она была. Этим именем ее называли в дальнейшем все члены семьи мужа, кроме него самого, свекра и свекрови. Свекор и свекровь называли молодую «урьва» – мокша, эрзя – «сноха», а муж называл ее по прозвищу или используя местоимение («ты», «эй, ты»). Этот обряд совершался тоже перед печью. Связан он был, вероятно, с очистительной силой огня и воды (в некоторых местах обряд сопровождался перешагиванием молодой через ушат с водой и обрызгиванием ее и присутствующих этой водой). При наречении молодой ее стучали по лбу специально для этого испеченным хлебом (это говорит о том, что

этот обряд мордвы связан с земледелием). Наличие различных терминов для обозначения жен разных сыновей связывает этот обряд с существованием большой семьи. Таким образом, новое имя молодой служило знаком ее принадлежности к новой семье и указывало на ее положение в ней. В конце XIX в. этот обряд почти всюду исчез у мордвы-эрзи и был распространен главным образом у мордвы-мокши. Можно предполагать, что в прошлом он был одним из основных обрядов мордовской свадьбы¹⁵.

Особыми церемониями сопровождалось у мордвы представление молодой в доме мужа усопшим предкам, хранителю двора, богине воды. Хранительнице воды – Ведь – аве – эрзя-мокша – молодая раньше делала приношения, а в конце XIX в. она одаривала тех, кто «показывал» ей дорогу к колодцу. Родственники молодой у мордвы в ряде мест назывались «горные». Они приходили в дом родителей молодого в день венчаний, на второй или третий день после него. Для них накрывали два стола – один для мужчин, другой для женщин. У мордвы-мокши второй день свадьбы назывался «потиха ши» («потешный день»). Гости рядились кто во что, в некоторых местах били горшки. Из дома молодой приходили ее родственники «искать ярку». М. Е. Евсеев отмечал, что обряд битья горшков заключался в том, чтобы отогнать нечистую силу, которая могла проникнуть в избу вместе с посторонними людьми – поезжанами. После этого обряда поезжане покидали свадьбу¹⁶. На второй день свадьбы молодую заставляли мести пол. Присутствующие бросали на пол мусор, деньги, которые шли в пользу новобрачной. Когда она в первый раз в доме мужа шла за водой, встретившиеся ей по дороге люди обрызгивали ее водой. Эти обряды, имевшие в конце XIX в. шуточный характер, в прошлом имели иной, вероятно, магический смысл.

Обряды, совершавшиеся после свадьбы, призваны были закрепить отношения между породнившимися семействами, включали невестку в отношения с родней мужа, вводили ее в трудовую жизнь семьи. У мордвы мо-

лодая после свадьбы некоторое время ела отдельно от семьи, в чулане. У мордвы-мокши этот период был более длительным, чем у мордвы-эрзи. За столом молодая первое время ела стоя, чтобы можно было подать, если кому-нибудь что-то потребуется. Это говорит о том, что невестка еще не признавалась вполне полноправным членом семьи¹⁷.

Во время первого посещения бани в новой семье («одирвань баня» – мокша, эрзя – «баня молодой») молодая одаривала всех родственниц мужа кольцами. При выходе из бани она оставляла кольцо и в дар хранительнице бани. В первую после свадьбы Пасху молодая одаривала родственников мужа. В это время ее вводили в дома родственников.

В конце XIX в. у мордвы в той или иной мере сохранялся обычай возвращения молодой в дом родителей через некоторое время после свадьбы. Он назывался «потавтома», «потавкс» – мокша, эрзя («возвращение») (Темниковский и Инсарский районы), «мекев потама» – мокша, эрзя («возвращение назад») или «аштеме» – эрзя («сидение», «ожидание») (Ардатовский район). Через неделю или две после свадьбы в праздни-

чный день за молодой приезжали ее братья или другие близкие родственники и отвозили ее в дом родителей на неделю или две. У мордвы-мокши молодая ездила к своим родителям недели за четыре до религиозных праздников (Рождество, Пасха и др.) и оставалась там до самого праздника. Здесь перед Пасхой одна из ее родственниц («прянь понай») надевала ей женский головной убор и делала женскую прическу¹⁸.

Таким образом, свадебная обрядность мордвы конца XIX – начала XX в. представляла собой яркое, самобытное явление культуры. Некоторые из обрядов относились к сфере магических действий, направленных на охрану молодых от сглаза, порчи (втыкание иголок или булавок в одежду жениха и невесты, закрывание лица невесты, обход свадебного поезда одним из свадебных персонажей, отдельное кормление молодых и др.) или на плодородие (обсыпание хмелем, сажание им на колени ребенка и др.). Со временем одни обряды утрачивали свой первоначальный смысл и исполнялись лишь по традиции, другие получали новое осмысление, третьи приобретали шуточный, игровой характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ УПТМН. Саранск, 1972. Т. VI. Ч. 1. С. 169.

² *Иванцев С.* Из быта мордвы дер. Дюрки Паранеевской волости Алатырского уезда Симбирской губернии // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1894. Т. XI. Вып. 6. С. 572–573.

³ *Баранов П. Н.* Свадебные обряды мордвы-эрзи (Из быта крестьян Бузаевской и Неклюдовской волостей Ардатовского уезда Симбирской губернии) // ЭО. 1910. № 3–4. С. 121.

⁴ *Федянович Т. П.* Черты сходства свадебной обрядности русских и мордвы // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 250.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ ПТМН. Саранск, 1972. Т. VI. Ч. 1. С. 344.

⁷ *Евсевьев М. Е.* Избранные труды. Саранск, 1966. Т. V. С. 96.

⁸ *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 81–85; *Федянович Т. П.* Мокшанская свадьба (XX в.) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 205.

⁹ ЦГАРМ Р-267. Оп. 1. Д. 25. Черновые записи М. Е. Евсевьева. Л. 66.

¹⁰ *Федянович Т. П.* Черты сходства свадебной обрядности русских и мордвы. С. 253.

¹¹ *Евсевьев М. Е.* Указ. соч. Т. V. С. 278; *Голицын Ф. С.* Мордва в Хвалынском уезде Саратовской губернии // Саратовский сборник. Саратов, 1881. Ч. 1. С. 185–187.

¹² *Майнов В. Н.* Указ. соч. С. 85–86.

¹³ *Евсевьев М. Е.* Указ. соч. Т. V. С. 427, 439.

¹⁴ *Смирнов И. Н.* Мордва. Казань, 1895. С. 206.

¹⁵ *Федянович Т. П.* Семейные обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы). М., 1997. С. 38–39.

¹⁶ *Евсевьев М. Е.* Указ. соч. Т. V. С. 340.

¹⁷ *Федянович Т. П.* Черты сходства свадебной обрядности русских и мордвы. С. 255.

¹⁸ *Федянович Т. П.* Мокшанская свадьба (XX в.). С. 206; *Она же.* Семейные обряды мордвы Темниковского и Теньгушевского районов Мордовской АССР // Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г. М., 1972. Ч. II. С. 189; *Она же.* Изучение семейных обрядов мордвы // Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1970 г. М., 1971, С. 144.